

К ИСТОРИИ ПРИНЯТИЯ ИСПАНСКОГО ЗАКОНА «О ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

Евсеев Александр Петрович,

доцент департамента систем судопроизводства
и уголовного права НИУ «Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук,
apevseyev@gmail.com

Правовой смысл демократической памяти

Демократическая память (исп. *memoria democratica*) понимается в Законе от 19 октября 2022 года как «осознанное утверждение и защита демократических ценностей и основных прав и свобод на протяжении всей новейшей истории Испании в целях содействия сплоченности и солидарности между различными поколениями вокруг конституционных принципов, ценностей и свобод» (ст. 1(1))¹.

В нашем законодательстве выражение «демократическая память» нигде не встречается, однако поправки 2020 года в Конституцию предусматривают, что РФ «обеспечивает защиту исторической правды» (ст. 67.1). Кроме того, в российском деликтном праве есть целый корпус норм, носящих откровенно ретроспективный характер, например, статья 354.1 Уголовного кодекса «Реабилитация нацизма» или статья 13.48 Кодекса об административных правонарушениях: «нарушение установленного федеральным законом запрета публичного отождествления целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии, командования и военнослужащих нацистской Германии и европейских стран оси в ходе Второй мировой войны, а также отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы». Очевидно, что здесь речь идет о криминализации разного рода попыток предложить какую-либо иную версию событий 1939 – 1945 годов помимо официальной.

Стремление современных государств (в диапазоне от Польши до Руанды) урегулировать нормативными предписаниями тот или иной отрезок собственной истории, на первый взгляд, противоречит старинному принципу, известному еще со времен Древнего Рима: *lex prospicit non respicit* – «закон смотрит вперед, не назад». Однако в реальной жизни сплошь и рядом национальные государства принимают так называемые «мемориальные законы»², в которых даются определенные политико-правовые оценки травмирующих событий прошлого и предписываются различные меры компенсационного, воспитательного и иного характера, направленные на заживление нанесенных ран. В основе такого подхода лежит, в сущности, фрейдистский тезис о необходимости «проговорить» вытесненные в бессознательное психологические травмы и проблемы с той лишь разницей, что в роли пациента здесь выступает вся нация или, по крайней мере, некогда дискриминируемые группы.

Не стоит в стороне от этого глобального тренда и Испания – одна из наиболее развитых стран ЕС. В ее новейшей истории были, по меньшей мере, два неоднозначных периода, во многом продолжающих раскалывать испанское общество и по сию пору: Гражданская война 1936 – 1939 годов (*la Guerra Civil*) и диктатура генералиссимуса Ф. Франко, установившаяся после поражения республиканцев в 1939 году и продлившаяся вплоть до смерти диктатора 20 (по некоторым данным – 19) ноября 1975 года (*la dictadura franquista*). По этой причине Закон 2022 года имеет своими адресатами главным образом две группы граждан: лиц, сражавшихся на «проигравшей» стороне и подвергнувшихся впоследствии дискриминации³

либо вынужденных эмигрировать, а также лиц, ставших жертвами репрессивного режима после укрепления диктатуры (последний приговор – по делу пяти антифашистов в Бургосе – был приведен в исполнение за несколько месяцев до смерти Франко). К числу последних, например, можно отнести члена ЦК Компартии Испании Х. Гримау, казненного в 1963 году, именем которого названа улица в Москве. Закон о демократической памяти, как сказано в преамбуле к нему, как раз и преследует цель создать комплексную систему «правды и справедливости» (*la verdad y la justicia*), способную выступить гарантом неповторения прежних ошибок за счет максимально упрощенного порядка отмены решений франкистских судов, восстановления нарушенных прав и возмещения вреда, публичного восстановления доброго имени и репутации миллионов испанцев. В этой связи возникает вопрос: насколько ему это под силу?

Формирование демократической памяти в конце 1970-х – середине 2000-х годов

Формирование демократической памяти неотделимо от событий конца 1970-х годов, вошедших в общественный лексикон и правовое сознание испанского народа под словом *la transición* («переход»). Речь идет о мягком, поступательном движении к демократическому правлению после смерти диктатора, которое возглавили представители умеренного крыла франкистов, – так называемые «технократы» из католической организации *Opus Dei*, руководимые первым демократически избранным премьер-министром А. Суаресом⁴. За короткий промежуток времени, совпавший с правлением Суареса (1976 – 1981 гг.), была принята новая Конституция, действующая с небольшими изменениями и сегодня, проведены свободные выборы в Кортесы, легализована Коммунистическая партия, создан Конституционный суд. На период демократического транзита пришелся расцвет культурной жизни в Испании, вошедший в историю как «мовида» (*la movida*, буквально «двигать, перемещать, приводить в движение»)⁵, ярчайшим выражением которой стало творчество кинорежиссеров П. Альмодовара и А. Бардема (дяди популярного ныне актера Х. Бардема), писателей К. Хосе Села и А. Мартинеса Менчена, многих других блестящих представителей художественной элиты. Однако начавшийся параллельно с этим процесс восстановления памяти о прошлом носил такой же ущербный характер, как когда-то сами репрессии.

Следует отметить, что 15 октября 1977 года был принят Закон об амнистии, прозванный в на-

роде «пактом о забвении» (*el pacto del olvido*) и сделавший невозможным уголовное преследование функционеров прежнего режима, то есть, как отмечалось в Законе, лиц, совершивших «преступления и проступки по политическим мотивам, независимо от их последствий, до 15 декабря 1976 года» (ст. 1)⁶. Как подчеркивается в литературе, это предполагало очередное подавление болезненных воспоминаний, связанных с разделением общества в годы диктатуры на победителей и побежденных⁷. Тем не менее 27 мая и 2 июня 1977 года были приняты правительственные декреты, предусмотревшие льготы для тяжело раненных жертв войны и выплаты потомкам погибших. 18 сентября 1979 года был принят Закон, впервые установивший пенсионное, медицинское и социальное обеспечение для вдов, детей и иных членов семей погибших в ходе Гражданской войны. Наконец, 22 октября 1984 года, уже после отставки Суареса и прихода к власти социалистов, пенсии были дарованы сражавшимся в рядах Республиканской армии⁸. Как следствие, испанское правительство начало тратить огромные средства на компенсации и пенсии жертвам Гражданской войны с республиканской стороны (в начале 1990-х на это уходила четверть бюджета страны), однако эти меры выглядели, скорее, как проявление милости победителей к родственникам павших, нежели как полноценное восстановление справедливости. При этом все вынесенные в годы франкистского террора приговоры формально оставались в силе, и ни одного судебного разбирательства в отношении условных «палачей» так и не состоялось в силу Закона об амнистии. По соображениям политической конъюнктуры целый ряд громких дел (в том числе приговоры гениальному поэту Ф. Гарсии Лорке и первому президенту Каталонии Л. Компанису, расстрелянным франкистами) вообще не пересматривались.

Ситуация стала меняться только в конце 1990-х годов, когда на общественную и политическую арену вышло «поколение внуков», с новой силой поставивших неудобные для власти вопросы. Свообразным «драйвером» здесь выступила статья мадридского журналиста Э. Сильвы в газете «*El Mundo*», повествовавшая о тщетных попытках найти могилу своего деда, погибшего в самом начале Гражданской войны. Статья Сильвы прорвала «завесу молчания», раскрутив маховик розысков и дав мощный импульс череде эксгумаций, которые лавинообразно стали нарастать после создания АРМН – «Ассоциации восстановления исторической памяти» (*Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica*). К концу 2018 года Ассоциация провела раскопки

и эксгумации более чем в 740 массовых захоронениях из более чем 2500, известных на сегодня. Эксгумации подверглись порядка 9000 тел из, предположительно, 120 тысяч захороненных. При этом, как отмечает Н. Эппле, раскрытие могил при большом скоплении зрителей и широком освещении в СМИ – это опять-таки способ «распечатать» не только останки убитых, но и глубоко запрятанные воспоминания о бесчестье⁹.

Еще одним важным этапом стало развитие универсальной юрисдикции, тесно связанное с именем следственного судьи *Audiencia Nacional* (своеобразного судебного органа, занимающего промежуточное положение между апелляционными судами и Верховным трибуналом¹⁰) Б. Гарсона, прославившегося тем, что в 1998 году он выдал ордер на арест бывшего чилийского диктатора А. Пиночета. В свою очередь, такой шаг стал возможен благодаря тому, что вплоть до 2009 года Испания придерживалась так называемого абсолютного подхода к этому процессуальному механизму, справедливо полагая, что определенная категория преступлений, а именно преступления по международному праву: геноцид, военные преступления, преступления против человечности – должны преследоваться в любом государстве даже тогда, когда сами они совершаются за пределами этих государств, гражданами третьих стран и в отношении лиц, никогда не имевших каких бы то ни было связей с Испанией. При этом важно отметить, что в течение длительного времени испанское законодательство позволяло не только подвергать уголовному преследованию таких преступников, но и бороться с ними в частно-исковой форме (*acusadores particulares*). Вот откуда в Испании взялись гражданские иски против того же Пиночета, братьев Кастро, гватемальского диктатора Р. Монте и других. Этому способствовал либеральный Закон о судебной системе, вступивший в силу 1 июля 1985 года.

Однако несмотря на начавшие формироваться традиции борьбы с международными преступлениями, аналогичные деяния «собственных негодяев» по-прежнему оставались безнаказанными. Уже упоминавшийся нами Сильва с горечью говорил в одном из своих интервью: «Испания приветствовала арест Пиночета, Гарсон начал судебные процессы в Аргентине и Чили, то же самое происходит в Гватемале. Но в нашей собственной стране ничего подобного не делается...»¹¹ Поэтому, когда 16 октября 2008 года Б. Гарсон обнародовал обвинительный акт *ex post mortem* в отношении Франко, 34 генералов и министров, а также всех руководителей Фалангистской партии, это произвело эффект разорвав-

шейся бомбы. И хотя спустя месяц это решение было отменено как противоречащее Закону об амнистии, а в отношении самого Гарсона началось дисциплинарное производство за превышение полномочий, завершившееся его удалением с занимаемой должности, тем не менее первая попытка назвать вещи своими именами в судебной процедуре была сделана. Однако она была бы немислимой без Закона об исторической памяти (*Ley de la Memoria Historica*), принятого годом ранее, 26 декабря 2007 года¹².

Как видим, в формировании демократической памяти отразились едва ли не все этапы развития общественно-политической мысли Испании, этапы переосмысления исторических реалий, переоценка ценностей.

Первый закон об исторической памяти

Хотя Закон об исторической памяти был принят в самом конце 2007 года, идея подобного акта возникла еще в начале 2000-х. В 2002 году конституционная комиссия испанского парламента одобрила декларацию, осудившую преследование политических оппонентов в годы правления Франко. А в 2004 году, когда Х. Мария Аснар и его Народная партия (преемники фалангистов) проиграли парламентские выборы и к власти вернулись социалисты, была учреждена «Межведомственная комиссия по изучению ситуации с жертвами Гражданской войны и франкизма» во главе с вице-премьером. Можно даже сказать, что сама комиссия в определенной мере была создана из единомышленников, сплоченных этой идеей. 18 июля 2006 года, в день 70-летия франкистского мятежа, премьер-министр Х. Луис Сапатеро заявил: «Мы должны признать жертв франкистского режима, потому что это жертвы преступлений военной диктатуры, которая в течение сорока лет душила свободу»¹³. 2006-й был провозглашен Годом исторической памяти, в обществе развернулась «война некрологов»: родственники погибших публиковали некрологи жертв франкизма в испанских газетах.

Концепция, а затем и сам закон оказались поистине революционными для своего времени. Прежде всего, это проявилось в признании незаконными приговоров франкистских трибуналов (Трибунала специальной юрисдикции для пресечения масонства и коммунизма, Трибунала общественного порядка, чрезвычайных судов присяжных и т.д.). Одиозность и несправедливость вынесенных ими решений к тому времени была очевидной даже для поклонников Франко. Однако официально эти расправы не были признаны

политически мотивированными, подавляющее большинство приговоров и решений, подчеркнем еще раз, не были отменены. Вот почему особенно остро и актуально стоял вопрос об их аннулировании, что и было сделано в ст. 3 Закона 2007 года. Кроме того, последний предусмотрел возможность подачи специального «заявления о возмещении ущерба и личном признании» (*declaracion de reparacion y reconocimiento personal*) родственниками погибших республиканцев (супругом, детьми или наследниками до второй степени родства). Аналогичное право приобретали государственные учреждения, в которых трудились репрессированные (ст. 4).

Родственникам жертв позднего франкизма, именуемых «лицами, погибшими при защите демократии» в период с 1 января 1968 года по 6 октября 1977 года, должна быть выплачена компенсация в размере 135 тысяч евро (ст. 10). На органы государственной власти возлагалась обязанность сотрудничать с неправительственными организациями, осуществляющими эксгумацию останков, и предоставлять им всю необходимую информацию. Кроме того, предусматривалось создание интерактивной карты массовых захоронений (ст. 12).

Не было никаких оснований исключать из сферы действия Закона мемориальную политику. В частности, особо подчеркивалось, что органы государственной власти должны принять соответствующие меры по удалению из общественного пространства памятных знаков, мемориальных досок и иных символов, прославляющих «мятеж 18 июля», Гражданскую войну или репрессии эпохи диктатуры. В этом деле органы государственной власти обязаны сотрудничать с администрациями автономных образований (ст. 15). Помимо этого предусматривалась возможность отмены субсидий или выплат, ранее предоставленных бывшим франкистам.

Менялся статус и гигантского мемориала жертвам Гражданской войны, получившего название «Долина павших» (*Valle de los Caidos*), который был открыт в 1959 году по инициативе Франко. Как известно, он представляет собой вырубленную в скале базилику, превосходящую размерами собор Святого Петра в Риме. В алтаре помещена гробница Х. А. Примо де Риверы, одного из основателей Фаланги и «духовного отца» Франко. В 1975 году возле него нашел свое вечное упокоение и сам каудильо. Всего там захоронены порядка 30 тысяч воинов, сражавшихся по обе стороны баррикад. Законом 2007 года в отношении «Долины павших» вводился ординарный режим, используемый для обычных монастырей

и общественных кладбищ. При этом была сделана оговорка, запрещающая осуществление на территории «Долины павших» каких-либо действий, прославляющих Гражданскую войну, ее главных героев и франкизм (ст. 16). Кульминацией всех этих нововведений стал вынос в 2019 году останков Франко с их последующим захоронением на кладбище в Эль-Пардо рядом с доньей Кармен.

Наконец, Закон 2007 г. предусмотрел возможность предоставления испанского гражданства выжившим членам интербригад (без требования отказа от имеющегося гражданства) и потомкам тех, кто вынужденно отправился в изгнание (ст. 18).

Конечно, в правовом государстве, в нормальной системе права не требуется какого-либо специального механизма восстановления исторической справедливости, как, например, нет его в Великобритании, несмотря на множество драматических событий, начиная от протектората Кромвеля и заканчивая гибелью принцессы Дианы. Действует обычный механизм пересмотра судебных и административных решений, в случае отмены которых лицо должно восстанавливаться в утраченных правах и получать справедливую компенсацию. Необходимость в таком законе возникает в переломные моменты истории и связана прежде всего с политическими мотивами: революционной перестройкой сознания, кардинальной переоценкой ценностей, переосмыслением всех прежних взглядов на государство и право. Обычный же порядок восстановления нарушенных прав здесь неприменим хотя бы потому, что нарушения носили массовый, тотальный характер (исследователи называют цифру в 500 – 600 тысяч погибших в топке Гражданской войны, из которых от 70 до 150 тысяч погибли в результате последовавших репрессий; после Второй мировой войны в тюрьмах, включая печально известную тюрьму Карабанчель, построенную по образцу паноптикума И. Бентама, находилось около 300 тысяч противников режима¹⁴), затрагивали целые народы, в первую очередь, басков и каталонцев, и длились многие десятилетия. Поэтому Закон об исторической памяти в своем роде уникален для стран Южной Европы, даже с учетом не менее длительной португальской диктатуры А. Салазара.

Вместе с тем в 2011 году к власти вернулись правые, начавшие саботировать реализацию Закона 2007 года. В частности, новый премьер-министр М. Рахой заявил, что улице, на которой он жил в Галисии, переименованной на основании Закона 2007 года, будет возвращено прежнее название в честь франкистского адмирала С. Морено Фернандеса¹⁵. Мировой экономический кризис

2008 года, ударивший по испанской экономике, фактически привел к замораживанию выплат жертвам Гражданской войны и диктатуры. Также реализация Закона во многом блокировалась муниципальными властями. Там, где мэрами были сторонники Народной партии, изменений чаще всего не происходило.

Поэтому, с точки зрения справедливости, Закон 2007 года был заведомо обречен на определенные сложности. Да он и изначально ставил перед собой более скромные задачи: дать политическую и правовую оценку франкизму, выплатить компенсации выжившим, вернуть доброе имя и репутацию тем, чьи жизни, увы, невозвратимы. Однако испанскому обществу пришло время двигаться дальше по намеченному пути. Осознавая это, сменивший в 2018 году Рахоя лидер социалистов П. Санчес инициировал разработку нового закона – Закона о демократической памяти (*Ley de Memoria Democrática*), принятого парламентом 19 октября 2022 года.

Закон о демократической памяти 2022 года. Преамбула закона

Характерная особенность Закона о демократической памяти в том, что он не может ограничиться чисто нормативными положениями, сугубо юридической материей. Он неминуемо должен носить и политический характер. Оба эти элемента в законе тесно связаны, и именно политическая оценка дает опору юридической норме.

Наиболее ярко политический характер Закона выражен в преамбуле. В ней как бы осмысливается пройденный Испанским королевством путь, начиная с кортесов Кадиса и Конституции 1812 года. Сразу бросается в глаза объем преамбулы – 12 с половиной страниц, что само по себе сопоставимо с текстом среднестатистического законодательного акта. Здесь Гражданская война определяется как «конфликт, который выходит за рамки гражданской борьбы из-за участия иностранных держав, таких как Италия, Германия или Советский Союз, и политики невмешательства основных западных держав», являясь «прологом к агрессии против других государств, рассмотренной и осужденной Нюрнбергским трибуналом в соответствии с резолюцией 95(1) Генассамблеи ООН от 11 декабря 1946 года»¹⁶. Со ссылкой на доклад ПАСЕ, принятый в Париже 17 марта 2006 года, подчеркивается, что во время войны и последующей диктатуры Франко была установлена авторитарная политическая система, практиковавшая систематические насильственные исчезновения, внесудебные казни, произ-

вольные задержания, внедрившая систему концентрационных лагерей, принудительный труд, пытки, изнасилования и массовые похищения новорожденных в рамках политики, вдохновляемой евгеникой.

Законом гарантируется неотъемлемое право «знать историческую правду о насилии и терроре, осуществляемых режимом Франко, а также о ценностях и принципах демократического сопротивления, осуществляемых жертвами репрессий». В целом в преамбуле содержится немало мудрых мыслей о «политике памяти» как таковой. В частности, отмечается, что по окончании мировых войн, опустошивших Европу в XX веке, и особенно после Холокоста, продвижение этой политики стало моральным долгом, который необходимо укреплять, чтобы «нейтрализовать забвение и избежать повторения самых трагических эпизодов в истории». «Твердая приверженность заповеди «Больше никогда!» (*Nunca mas!*) – подчеркивается в преамбуле – стала фундаментальным этическим императивом в демократических обществах всего мира». И далее: «Историю нельзя построить на забвении и замалчивании побежденных. Забвению нет места в демократии».

Как видим, Закон о демократической памяти должен поставить последнюю точку (*punto final*), заявить о необратимости осуждения преступлений франкизма: «закрывать долг испанской демократии перед своим прошлым и способствовать общему дискурсу, основанному на защите мира, плюрализме и осуждении всех форм политического тоталитаризма». С этой целью он объявляет незаконным режим, возникший в результате вооруженного конфликта, начатого военным переворотом, который, благодаря борьбе антифранкистских социальных движений и различных политических деятелей был сменен вследствие демократического транзита, с провозглашением демократического правового социального государства после вступления в силу Конституции 29 декабря 1978 года (ст. 1(3)).

Содержание Закона 2022 года

Закон вводит понятие жертвы, под которой понимается любое лицо, независимо от его национальности, которому индивидуально или коллективно был причинен физический, моральный или психологический вред, материальный ущерб или существенное ущемление его основных прав в результате действий или бездействия, представляющего собой нарушение международных норм в области прав человека и международного гуманитарного права (далее – МГП) в период от государ-

ственного переворота 18 июля 1936 года до вступления в силу Конституции 1978 года (ст. 3(1)).

Острое политическое звучание в условиях сегодняшнего дня и попытки проведения в 2017 году референдума о независимости Каталонии приобретает положение ст. 3(6), относящее к числу жертв баскскую, каталонскую и галисийскую общины, их языки и культуры, носители которых преследовались за их использование. В то же время необходимо учитывать, что Закон о демократической памяти не в состоянии разрешить все вопросы политической, территориальной и культурной реабилитации названных народов. Очевидно, что эти вопросы должен решить другой закон, проект которого готовится.

В Законе воспроизводится норма первого Закона 2007 года касательно признания незаконными всех обвинительных приговоров и наказаний, вынесенных по политическим, идеологическим причинам, по соображениям совести или религиозным убеждениям во время войны, а также тех, которые были понесены по тем же причинам во время диктатуры, независимо от правовой квалификации, используемой для установления таких приговоров и наказаний. По всей видимости, авторы Закона 2022 года осознавали, что понятие «политические причины» сложно применить в каждом конкретном случае, поскольку политические мотивы уголовного преследования зачастую трудно доказуемы. Эта трудность в значительной мере устраняется тем, что в ст. 3(1) выделяются более определенные категории жертв, которые охватывают практически всех лиц, пострадавших от Гражданской войны и франкистской диктатуры. При этом к указанным категориям, помимо привычных (республиканцев и их союзников), отнесены также гомосексуалы, подвергавшиеся при Франко уголовному преследованию, похищенные новорожденные, лица, уволенные из Вооруженных Сил за сочувствие республиканским идеям, а также те, кто подвергся репрессиям при попытке оказать помощь жертвам франкизма. Важно, что круг жертв расширяется за счет включения в него не только прямых потомков, но и всех родственников таких лиц вплоть до четвертой степени родства.

Установлен республиканский День памяти и почтения всех жертв военного переворота, войны и диктатуры ежегодно 31 октября (ст. 7) и День изгнанника – 8 мая (ст. 8). Помимо прочего, в Законе предусматривается ведение реестра жертв с данными, полученными из архивов, а равно из любых других источников, национальных или международных, которые содержат необходимую информацию, и составление Государственной переписи жертв войны и диктатуры (ст. 9).

Ст. 15 закрепляет право на правду, признаваемое сегодня многими региональными органами по правам человека и даже национальными конституциями¹⁷. В Законе под ним понимается право на проверку фактов и публичное и полное раскрытие мотивов и обстоятельств, при которых были совершены нарушения МПП или грубые нарушения международных норм в области прав человека, имевшие место во время войны и диктатуры, а в случае смерти или исчезновения – о судьбе жертвы и выяснении ее местонахождения. Здесь же говорится о создании Государственного банка ДНК жертв войны и диктатуры, функция которого будет заключаться в получении и хранении ДНК-профилей жертв и их родственников (ст. 23).

Впервые провозглашается право на публичное расследование нарушений прав человека, совершенных во время войны и диктатуры. С этой целью учреждается должность прокурора Палаты по правам человека и демократической памяти. Его роль состоит в расследовании соответствующих нарушений, а также стимулировании процессов розыска жертв расследуемых деяний. Это особенно важно с учетом того, что в преамбуле Закона с горечью констатируется тенденция к «приватизации» эксгумаций, которые чаще осуществляются силами энтузиастов и подвижников, нежели представляют собой целенаправленную государственную политику. Утвердить роль государства в осуществлении политики памяти – одна из целей нового Закона.

Что касается мест демократической памяти, то название «Долина павших» должно быть заменено на «Долину Куэльгамурос» (*Valle de Cuelgamuros*). Она объявляется «фундаментальной осью современной демократической перестройки политики памяти Франко» (ст. 54). Ликвидируется Фонд Святого Креста «Долины павших», распорядившийся имуществом, находящимся на территории мемориального комплекса, поскольку его цели объявляются несовместимыми с конституционными принципами и ценностями.

Закон предоставил также право потомкам жертв приобрести испанское гражданство, вследствие чего его иногда называют «Законом о внуках»¹⁸. Он содержит перечень отменяемых дворянских титулов, присвоенных в период с 1948 по 1978 гг., а также обращается к государственным администрациям с призывом отозвать награды, почести и отличия, связанные с прославлением военного мятежа, войны или диктатуры.

Заключение

В заключении хотелось бы сказать вот о чем. Мы уже упоминали, что демократический транзит дал новый импульс испанской культуре, в том числе литературе. Одно из наиболее ярких имен тех лет А. Мартинес Менчен, начинавший как детский писатель, однако написавший немало острых произведений для взрослых. В контексте нашей темы вспоминается принадлежащий его перу рассказ «*Pro patria mori*» («Умереть за Родину»), повествующий о жизни испанского общества в последний месяц правления Франко. Главный герой, женатый на дочери расстрелянного республиканца, каждый день следит за новостями, скупает все газеты, чтобы прочесть между строк малейший намек на То Самое Известие. А рядом течет жизнь. Звучит неувядающий Х. Иглесиас, кто-то ворует, кто-то работает, кто-то дает взятки, кто-то их берет, кто-то спешит на

свидание, кто-то учится. Короче говоря, каждый занимается своим делом...

Главный герой задумывается о будущем своих дочерей, о том, что когда им будет столько лет, сколько сейчас ему, Франко не будет значить для них ничего, равным счетом ничего: «В лучшем случае – еще одно имя в учебнике по истории, что-то из времен очень далеких и потому не имеющих реального смысла, как не имеет его имя готского короля или какого-нибудь короля времен Реконквисты. В их памяти имя этого человека будет где-то в одном ряду с Сигизмундом или Альфонсо I Воителем. Человек, который был стержнем моей жизни, центром, вокруг которого вращались судьбы всех людей моего поколения, личность которого наложила отпечаток на наше существование, – этот человек для наших детей не будет означать ничего...»¹⁹

Такова неумолимая диалектика жизни.

Примечания

- 1 <https://www.boe.es/buscar/pdf/2022/BOE-A-2022-17099-consolidado.pdf>
- 2 Подробнее см.: Курилла И. Битва за прошлое: как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.
- 3 Речь о так называемых «условно-освобожденных лицах», как бы оставленных в подозрении. Таковых в послевоенной Испании насчитывалось около одной шестой населения. Они были лишены возможности поступить на квалифицированную работу, не пользовались правом на снабжение по карточкам, были обязаны периодически являться в полицию и т. д.
- 4 Суарес говорил: надо «самим приоткрыть двери, дабы народ их не взломал». Подробнее об этом незаурядном политике см.: Баунов А. Конец режима: как закончились три европейские диктатуры. М.: Альпина Паблишер, 2023. С. 284 – 477.
- 5 История Испании. Т. 2. М.: Индрик, 2014. С. 749.
- 6 <https://www.boe.es/buscar/pdf/1977/BOE-A-1977-24937-consolidado.pdf>
- 7 Эппле Н. Неудобное прошлое. М.: Новое лит. обозрение, 2020. С. 167.
- 8 Sumalla J.M.T. Transition, historical memory and criminal justice in Spain // Journal of international criminal justice. 2011. Vol. 9. Is. 3. P. 740.
- 9 Эппле Н. Указ. соч. С. 178 – 180.
- 10 Барабанов П.К. Уголовный процесс Испании. М.: Спутник, 2021. С. 54.
- 11 Цит. по: Эппле Н. Указ. соч. С. 178, 179.
- 12 <https://www.boe.es/buscar/pdf/2007/BOE-A-2007-22296-consolidado.pdf>
- 13 Цит. по: Хенкин С.М. Испания: полемика вокруг исторической памяти // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 4. С. 79.
- 14 Sumalla J.M.T. Op. cit. P. 732.
- 15 Хенкин С.М. Указ. соч. С. 80.
- 16 Перевод соответствующих законодательных положений на русский язык дан по: Гранцева Е.О. Закон о демократической памяти в Испании: попытка консолидации или новая фаза конфликта? // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 36. С. 76 – 113.
- 17 Подробнее см.: Евсеев А. Право на правду – новое право человека? // Международное правосудие. 2022. № 2. С. 24 – 37.
- 18 Гранцева Е.О. Указ. соч. С. 105.
- 19 Мартинес Менчен А. Pro patria mori // Современная испанская повесть: Сб. / Сост. Н. Матяш. М.: Радуга, 1984. С. 264, 265.